

МРНТИ 16.21.07

Р.Д.Карымсакова

Доцент университета «Туран», кандидат филологических наук

**НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СУДЕБНОЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ
(на примере двух номинаций)**

Аннотация. Лингвистическая экспертиза представляет собой исследование продуктов речевой деятельности (то есть аудиозаписей, газетных публикаций, товарных знаков и т.п.), направленное на установление значимых фактов и получение ответов на поставленные перед экспертом вопросы. Поскольку практическая необходимость проведения лингвистической экспертизы чаще всего возникает для установления юридических фактов в ходе рассмотрения и разрешения судебных дел, в большинстве случаев понятие «лингвистическая экспертиза» тождественно понятию «судебная лингвистическая экспертиза».

В статье излагается общая характеристика судебной лингвистической (филологической) экспертизы: указываются ее назначение, объект, задачи исследования.

Ключевые слова: прикладная лингвистика, судебная лингвистическая экспертиза, экспрессивные этнонимы, этнофолизмы, оппозиция «свой-чужой», мамбет, калбит, возбуждение вражды.

Р.Д.Карымсакова

«Туран» университетінің доценті, филология ғылымдарының кандидаты

**СОТ-ЛИНГВИСТИКАЛЫҚ САРАПТАМАНЫҢ
ҒЫЛЫМИ-ЗЕРТТЕУ ӘЛЕУЕТІ
(екі аталымның мысалында)**

Аннотация. Лингвистикалық сараптама маңызды фактілерді анықтауға және сарапшының алдына қойылған сұрақтарға жауап алуға бағытталған сөйлеу әрекетінің өнімдерін (яғни аудиожазбалар, газет жарияланымдары, тауар белгілері және т.б.) зерттеу болып табылады. Лингвистикалық сараптаманың практикалық қажеттілігі, көбінесе, сот істерін қарау және шешу кезінде заңды фактілерді анықтау үшін туындағандықтан, көп жағдайда «лингвистикалық сараптама» ұғымы «сот-лингвистикалық сараптамасы» ұғымымен бірдей.

Мақалада сот-лингвистикалық (филологиялық) сараптаманың жалпы сипаттамасы берілген: оның мақсаты мен міндеттері, нысаны мен зерттеу міндеттері.

Тірек сөздер: қолданбалы лингвистика, сот-лингвистикалық сараптама, экс-прессивтік этнонимдер, этнофолизмдер, «өзім-өзге» оппозициясы, мамбет, калбит, ұлттық араздықты қоздыру.

R.D.Qarymsaqova

Associate Professor of the University «Turan», Candidate of philological sciences

**SCIENTIFIC AND RESEARCH POTENTIAL OF JUDICIAL LINGUISTIC
EXPERTISE
(by the example of two nominations)**

Annotation. Linguistic expertise is a study of the products of speech activity (i.e., audio recordings, newspaper publications, trademarks, etc.), aimed at establishing significant facts and obtaining answers to the questions posed to the expert. Since the practical need for linguistic expertise most often arises to establish legal facts in the course of consideration and resolution of court cases, in most cases the concept of «linguistic expertise» is identical to the concept of «forensic linguistic expertise».

The article describes the general characteristics of judicial linguistic (philological) expertise: its purpose, object, tasks of the research are indicated.

Keywords: applied Linguistics, judicial linguistic expertise, expressive ethnonyms, ethnophaulisms, «one's own vs other one's» opposition, mambet, kalbit, excitation of animosity.

Одним из основных направлений прикладной лингвистики, специализирующейся на решении практических задач, связанных с изучением языка, а также на практическом использовании лингвистической теории в других областях, является лингвистическая экспертиза.

Лингвистическая экспертиза представляет собой исследование продуктов речевой деятельности (то есть аудиозаписей, газетных публикаций, товарных знаков и т.п.), направленное на установление значимых фактов и получение ответов на поставленные перед экспертом вопросы. Поскольку практическая необходимость проведения лингвистической экспертизы чаще всего возникает для установления юридических фактов в ходе рассмотрения и разрешения судебных дел, в большинстве случаев понятие «лингвистическая экспертиза» тождественно понятию «судебная лингвистическая экспертиза». В собственно лингвистическом аспекте лингвистическая экспертиза – это вид исследования, позволяющий устанавливать истинность/ложность либо возможность / невозможность описательных высказываний об объекте. В этой связи лингвистическая экспертиза обладает большим ресурсом для осуществления научных исследований и использования их результатов в правоприменительной практике, поскольку производство лингвистической экспертизы основывается на лингвистических теориях и разработанных в языкознании методиках исследования лингвистических объектов.

Являясь одним из средств доказывания, лингвистическая экспертиза назначается управомоченным лицом (органом). На сегодняшний день лингвистическая экспертиза наиболее востребована в гражданском процессе по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации, а также в уголовном процессе по делам о клевете, оскорблении, возбуждении социальной, национальной, родовой, расовой, сословной или религиозной розни, пропаганде сепаратизма, пропаганде или публичных призывах к развязыванию агрессивной войны и т.д.

Среди множества задач, разрешаемых лингвистической экспертизой, ставится вопрос о толковании и разъяснении значений и происхождения слов, словосочетаний, устойчивых фразеологических выражений, а также исследовании высказывания с целью толкования его смыслового содержания. В преобладающем большинстве первая задача решается при помощи лексико-семантического, лингво-стилистического анализа спорных слов, словосочетаний и других языкоречевых единиц. Этот анализ проводится на материале толковых словарей языка, в большинстве которых, как известно, дается полная характеристика слова (в том числе все его значения, сферы функционирования). Однако в лингвоэкспертной практике имеются случаи, когда в русском тексте в качестве объектов исследования выступают слова, которые имеют определенную степень освоения русским языком, но не зафиксированы в толковых словарях русского языка, что создает значительные трудности для экспертного лингвистического исследования. Приведем пример из экспертной практики, когда необходимо было исследовать два слова-конфликтгена (*мамбет* и *калбит*), содержащих оценку лица как представителя этноса. Экспертиза была

иницирована судом, была поставлена задача установить наличие оскорбительных характеристик конкретных лиц в определенных высказываниях. Оценки, содержащиеся в спорных словах, называют экспрессивными этнонимами (национальными прозвищами), в семантической структуре которых совмещаются денотативное значение, выраженное словом народ, представитель народа и эмотивно-оценочный компонент, передающий отношение говорящего к обозначаемому. Эти этнонимы не являются самоназваниями народов и выступают в качестве синонимов нейтральных этнонимов (например: *қацап, москаль, Иван, бурла* «русский»; *фриц, ганс, колбасник* «немец», *галл, лягушатник* «француз», *янки, америкос* «американец», *чурка, чучмек, чурек* «выходец (житель) из Средней Азии», армяшка, хач, ара «армянин», *жид* «еврей» и др.). Часть экспрессивных этнонимов имеет пренебрежительную коннотацию, направленную на осуждение, уничижение, выражающую презрение к этносу или к какой-либо его части. Для обозначения таких этнонимов в западной литературе используется термин этнофолизм (от греч. «народ, племя» и «дурной, ничтожный»). При этом не все этнофолизмы обладают только лишь пренебрежительной коннотацией; так, по мнению Грищенко А.И., Николиной Н.А., в слове *хохол* «украинец, малоросс» «сконцентрирована целая гамма оценочных значений: от собственно уничижительного до ироничного и ласково-добрососедского» [1, 177].

Существование людей различных национальностей неизбежно вызывает появление формальных и неформальных знаков, отличающих и выделяющих их представителей. И подобное наблюдается во всех языках. Как негативная оценочная номинация, этнофолизмы могут создавать образ чужого в оппозиции «свой – чужой». Как установлено, эта оппозиция имеет универсальный характер и является неотъемлемой составляющей онтологических представлений о бинарной структуре мира. В частности, для этнической картины мира категория «свой – чужой» является ядерной. Маркерами отношения к «чужим» может служить описание внешних черт, поведения, среды обитания, особенностей характера иного социума и т.д. Как показал анализ материалов устной разговорной речи и СМИ (в том числе и материалов форумов и комментариев), денотату «этнически чужой» соответствуют различные сигнификативные компоненты, выражаемые определенными этнофолизмами (например, «иной национальности» *азеры, хачики, чужки*; «с иной внешностью и характерологическими чертами» *черный, черножопый, узкоглазый, узкопленочный*; «с низким интеллектом и уровнем культуры» *чурбаны, чурки, чучмеки, чуреки*) [6, 93].

Основная эмоция в восприятии «чужого» – отторжение, неприятие. Если провести шкалирование эмоций по параметру «отношение представителя одной национальности к представителю другой национальности», мы увидим, что эмоциональные состояния говорящих могут быть разной интенсивности и содержания. Так, на шкале эмоций в ее отрицательном диапазоне эмоции могут располагаться по следующей степени нарастания, усиления отрицательного содержания (неодобрение, неприязнь, пренебрежение, презрение, ненависть, вражда), которое в целом адресатом может быть воспринято как уничижительно-оскорбительное отношение.

В современном русском языке экспрессивные этнонимы образуют обширную по составу группу, единицы которой различаются по способу образования, степени экспрессивности и характеру выражаемой оценки [2, 181-187]. Среди них для автора статьи особый интерес имеют названия *мамбет* (производные – *мамбетство, мамбетизм, мамбетский*) и *калбит*.

Этнофолизм *мамбет* образован на базе казахского собственного имени Мамбет, распространенного в XIX и в начале XX века на территории Центральной Азии; этимологически мотивировано именем пророка (от арабского *Мухаммад*) и представляет собой один из его фонетических вариантов, возникшего в результате процессов ассимиляции, диссимиляции и диареzy: Мухаммад-Мухамбет-Мухамет-Махамбет-Мамбет. Однако в

языковом сознании современного носителя казахского языка и казахско-русских билингвов, за редким исключением, имя Мамбет не ассоциируется с именем пророка. Нейтральное в казахоязычной среде, это слово является основой и для ряда стилистически нейтральных в казахском языке производных имен (Абулмамбет, Мамбеткали, Мамбетали, Мамбетжан).

Слово **мамбет** возникло в городской среде в 60-е годы, обозначая тогда казахов, приехавших из аулов в город и не знавших русского языка. Подобные пренебрежительные обозначения сельских жителей имеются в различных языках. Так, американцы английским словом «redneck» (букв. «красношей») называют сельских обитателей (фермеров), деревенщину. В Узбекистане приезжих из областей жителей называют *харьтами*, в Кыргызстане – *мырками*. Слово *мамбет*, первоначально обозначавшее лишь сельчан, с течением времени приобрело новые оценочные значения. Несколько интерпретаций этого слова найдете: <http://zonakz.net/articles/5697>:

– *«Если аульный приезжает в город и живет по городским правилам, то он не мамбет. А если он приехал в город, но не хочет жить по его правилам, а живет по своим, аульным, то он мамбет»;*

– *Я, например, считаю что мамбетизм не определяется местом проживания или происхождения, не определяется образованием. На мой взгляд, мамбетизм – состояние души человека, при котором он не отличается качествами интеллигентного человека. Ему не присущи такие черты как уважение к традициям других народов, тактичность, терпимость, самообразование. Отличительные черты – это чванство, самодовольство, бескультурье, незнание собственной культуры и где-то даже пошлость. Сам термин, конечно, возник в городской среде. Просто он со временем трансформировался в сознании городской молодежи и стал обозначать одним словом аульную молодежь, которая не может грамотно говорить по-русски, модно и со вкусом одеваться, не располагает средствами.*

Использование этого слова наблюдается и в печатных СМИ:

1. *«Многие из них (казахов. – РК.) по-прежнему пренебрегают родным языком. Называют его «мамбетским». Но если казахский язык не нужен самим казахам, тогда зачем он нужен другим? Сегодня «языковой политики много», а вот «языкового воспитания» нет»* (Берик Абдыгалиев «Желание говорить», Время, 26.2.2009).

2. *О какой демократии мы можем говорить? Если мы все будем опять отдавать акимам, которым давали задание набрать за партию власти не менее 85%, а в ответ они говорили - «я что, от своего имени 5% не смогу добавить». И это соревнование пошло по всем областям. Это отвратительно! Стыдно! Мамбетство сплошное! Лизоблюдство сплошное! Пусть кто-нибудь скажет, что не был задействован административный ресурс, я ему просто плюну в лицо. У нас Конституция изнасилована, у нас выборные законы изнасилованы! Все сплошь фальшь и игра, давайте честно в этом признаемся. Почему у нас оппозиция – это или преступники, или мерзавцы? Потому что для нас демократия – миф»* (А. Джаганова «Свобода слова», 22.01.09).

3. *«Знаю: скажут чиновники во власти, что я живу в прошлом, что у меня философия мамбета, что тоскую по тому, к чему нет возврата, что надо, мол, во имя светлого будущего казахов переселить в города, что, дескать, вполне достаточно, если в аулах останется 25% населения, что надо ломать стереотип, надо строить современные агрогорода, а землю, как товар, следует продавать, отдавать в руки доморожденных латифундистов с неказахскими фамилиями...»* (Г.Бельгер. Плетень чепухи. Тасжарган, №31, 3 сентября 08).

4. *«Мамбетизм простых людей – это агрессивное неприятие всего чужого и слепое почитание своего. Традиции и ритуалы порой навязываются именно с агрессией. Пару*

раз попадал в такие ситуации, когда подавался бесбармак, а к нему не подавались вилки. «Мы, казахи, бесбармак едим руками!» – со скрытым садизмом сообщалось растерянным городским казахам».

«– Я считаю, что проявление мамбетства – издавать книжки о своем роде, преувеличивать в них значение в истории собственных предков, приукрашивать события, наделять своих родственников несуществующими героическими качествами, талантами, расписывать подвиги, которых не было.

Мамбетизмом считаю чванство, бахвальство, нескромность. Один чиновник дарит дочке куклу в платье, расшитом бриллиантами, – вот это мамбетизм. Другой собирает важных гостей на свадьбе сына и поет им подхалимские дифирамбы, приписывая качества, которых и в помине нет. Каждому гостю дает такую оценку, будто тот является ключевой фигурой в истории государства. Гипертрофия собственной значимости и значимости своего окружения и преуменьшение значения других, не близких тебе людей – еще одна черта мамбета» (Алия Мамбетова «Мамбетты. Кого мы так называем?», «МК в Казахстане», №3, 22-28 января, 2004).

В основном этнофолизм *мамбет* выступает как оценочное обозначение определенной части представителей казахской национальности, которым свойственны негативные, с точки зрения «цивилизованного» человека, качества, что позволяет отнести его к речевым конфликтогенам, т.е. словам и выражениям, провоцирующим конфликт [3, 19].

В силу того, что данная лексема не кодифицирована (не зарегистрирована в словарях), для выяснения ее семантики и ассоциативного значения был проведен рецептивный и свободный ассоциативный эксперименты, результаты которого будут изложены в следующей статье. Данное слово не является нецензурным или ругательным (*ругань* – грубые, бранные слова, а также ссора, сопровождаемая такими словами) [4, 686]. *Ругательство* – грубое, бранное слово, выражение (там же). На данном этапе наши исследования позволяют представить семантическую структуру слова следующим образом:

Мамбет, -а; м. 1. Разг. Презрительное название сельского казаха. < Мамбетка, -и. ж. Мамбетский, -ая, -ое. 2. Разг. Об ограниченном, невоспитанном человеке.

Крайне оскорбительным для казахов прозвищем выступает этнофолизм *калбит*. Основная версия происхождения – слово произошло от тотемического названия привилегированного южноарабского племени *калб* (калб – «собака», килаб – «собаки», кулайб – «собачка»). В связи с использованием этого этнофолизма интересен пример юриста Б.Н. Пантелеева, который он привел несколько лет назад в беседе с журналистом газеты «Молодежь Татарстана» Георгием Барминым, который отмечает: «То, что некоторые слова наносят людям сильные обиды, объяснять не нужно. Недавно российское телевидение показывало сюжет о Президенте Казахстана Назарбаеве. Тот, рассказывая о своей юности, вспомнил некоторые подробности. Назарбаев начинал трудовую деятельность рабочим. И его взрослые коллеги частенько говорили ему и его товарищам, что у них все равно не получится работать нормально, поскольку они ... далее следовало оскорбительное обозначение национальности казахов. Последнее слово Назарбаев выговорил с большой горечью. Столько лет уже с тех пор прошло, а нынешний Президент никак не может забыть давней обиды» (http://politkor.narod.ru/polit-op/pressd//adil_soz.htm). Предполагаем, что было употреблено оскорбительное для казахов национальное прозвище *калбит*, выражающее этническую нетерпимость.

Негативная оценка и характеристики представителей определенной национальности, в т.ч. и казахов-выходцев из сельской местности, выраженные рассмотренными этнофолизмами, чаще всего вызывают чувство унижения, оскорбления. И в этом отношении исследование подобных этнофолизмов представляет интерес для лингвистической экспертизы, выявляющей наличие или отсутствие их оскорбительной направленности. Здесь необходимо отметить следующее: данные этнофолизмы содержат не рациональную, а эмо-

циональную оценку. Для слов, содержащих логическую, рациональную оценку (типа *предатель, дилетант*), существует некоторая дефиниция тот, кто перешел на сторону врага, нарушил верность кому-чему-нибудь, и называя так кого-то, мы доказываем, что этот человек действительно совершил названные поступки. Если же мы называем кого-то хачиком и чуркой, то главное вовсе не то, что обозначается словом, а выражение некоторого субъективного эмоционально-оценочного отношения к объекту, в большинстве случаев – отрицательного [5, 340]. Приведем фрагмент газетного текста, послужившего предметом судебного разбирательства.

Все упирается в казахский менталитет. Уроды! Их урывать надо – и все! У них нет будущего. Вот те казахи, которые вырвались из мамбетского, калбитского состояния – я, Кажегельдин, Косанов, Габдуллин, другие – мы все, мы вырвались, мы будем нормальными людьми, наши дети и – так далее. А вот те, которые там типа Амантая кажси, Хасен Кожжа-Ахмет – уже все, так и останутся, у них нет шансов получить хорошее университетское образование, у них нет шансов пробиться в политическую сферу. У них нет шансов добиться в жизни успеха. Они так и будут всю жизнь калбитами и мамбетами. И они этого не понимают» («Мало их мочили», «Караван» от 19 мая 2000 г.).

В юридическом аспекте этнофолизмы *калбит*, *мамбет*, как и все этнофолизмы, выражая негативную оценку, не относятся к нецензурным (неприличным) словам (в терминологии уголовного права оскорбление определяется как унижение чести и достоинства лица, выраженное в неприличной форме, под которой, в свою очередь, понимаются нецензурные слова). Иначе говоря, использование этих двух слов в отношении кого-л. юридически не может быть признано оскорблением (в том числе и оскорблением национального достоинства). Однако если эти слова входят в состав фразы, содержащей негативную установку против представителей определенной национальности в виде прямого призыва убивать их (уничтожать их физически) или применять другие формы насилия, то такая фраза содержит признаки возбуждения национальной вражды. Большая часть экстремистских выступлений происходит на расовой и национальной почве. Неприязнь к другим народам отражается в первую очередь в языке – их представителям присваиваются пренебрежительные наименования, отражающие этническую нетерпимость, вражду и ненависть к другим народам. Лингвистический анализ высказываний, включающих рассмотренные номинации лиц, установление их смысловой направленности – задача судебной лингвистической (филологической) экспертизы.

ЛИТЕРАТУРЫ:

- [1] Грищенко А. И., Николина Н. А. Экспрессивные этнонимы как приметы языка вражды. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. С. 114-116.
- [2] Грищенко А. И. Источники возникновения экспрессивных этнонимов (этнофолизмов) в современном русском и английском языках: этимологический, мотивационный и деривационный аспекты // Активные процессы в современной лексике и фразеологии: Материалы международной конференции 8-9 июня 2007 г. памяти Л. В. Николенко и Ю. П. Солодуба (МПУ) / Гл. ред. Н. А. Николина. – М. Ярославль: Ремдер, 2007. С. 45-47.
- [3] Политкорректность в СМИ Казахстана: поиск гармонии. Алматы: «Әділ сөз», 2007. С. 71.
- [4] Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2004. С. 41.
- [5] Кузьмина Н.А. Дело о разжигании межнациональной розни (экспертиза сайта РНЕ – РОССИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ЕДИНСТВА) / Юрислингвистика-9: Истина в языке и праве. Барнаул, 2008. С. 81-86.
- [6] Иссерс О. С., Рахимбергенова М. Х. Языковые маркеры этнической ксенофобии (на материале российской прессы / Политическая лингвистика. Вып. 3(23). Екатеринбург, 2007. С. 32-36.